

ВАСИЛИЙ АКИМОВИЧ

# НИКИФОРОВ- ВОЛГИН

Дорожный посох  
•  
Рассказы



КЛАССИКА РУССКОЙ  
ДУХОВНОЙ ПРОЗЫ

---

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ  
«НИКЕЯ»

**Василий Акимович Никифоров-Волгин**

# **Дорожный посох**

**Серия «Классика  
русской духовной прозы»**

*Текст книги предоставлен правообладателем  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=11325799](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11325799)*

*Дорожный посох: Никея; Москва; 2014  
ISBN 978-5-91761-350-5*

## **Аннотация**

В. А. Никифоров-Волгин – один из ярчайших писателей русского Зарубежья 1920-30-х гг. В своих рассказах он воссоздает традиции и обычаи русской деревни, утраченные в годы революции. Одна из главных тем творчества писателя – изменения, происходящие в человеческой душе в экстремальных условиях трагического, бурного XX века. В повести «Дорожный посох» перед читателями предстает вереница удивительных образов русских людей: кающиеся преступники, обездоленные священники, нищие и святые, которые идут по земле-именинице, сливающейся с Небом.

# Содержание

Предисловие	4
Рассказы	8
Серебряная метель	8
Крещение	15
Кануны Великого поста	20
Великий пост	27
Преждеосвященная	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

# Василий Акимович Никифоров-Волгин Дорожный посох

## Предисловие

Василий Акимович Никифоров-Волгин родился 24 декабря 1900 года в деревне Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии, на Волге, в бедной, очень религиозной семье. Вскоре семья переехала в Нарву. Василий окончил церковно-приходское училище, до 1932 года был псаломщиком в Спасо-Преображенском соборе г. Нарвы. Уже тогда его выделили на конкурсе молодых авторов за рассказ «Земной поклон». Позже, в Таллине, куда он переезжает в 1936 году, Никифоров-Волгин становится домашним учителем в белоэмигрантской семье. После аннексии Эстонии Советским Союзом писатель – к тому времени уже автор двух сборников прозы («Земля-именинница» и «Дорожный посох»), имевших большой успех у читателей, – работает сторожем на судоремонтном заводе.

Никифорову-Волгину суждено было прожить всего девять дней счастливой семейной жизни: 15 мая 1941 года состоялась свадьба Василия и Марии Благочиновой, а 24 мая

Никифорова-Волгина арестовали, отправили по этапу в Киров и приговорили к расстрелу.

Такова краткая биография Василия Акимовича.

Писатель совсем недолгое время прожил в деревне, но в память об этом близком ему мире он взял псевдоним Волгин, добавив его к родовой фамилии – Никифоров. В рассказе «Причащение» мать говорит маленькому Васе: «В деревне... свychаи (обычаи – *Т. Р.*) от самого Христа идут». Эти обычаи русской деревни, уже утраченные в 1920-х годах, Никифоров-Волгин как летописец и поэт воспроизводит на страницах своих рассказов («Весенний хлеб» и др.) и вводит в историческую память народа.

Особая тема творчества Никифорова-Волгина – это поведение человека в экстремальных, тяжелых условиях и последствия этих действий для его собственной души и для окружающих людей. В рассказе «Святая святых» мать говорит сыну: «В словах человека разбираться надо – что от души идет, что от крови». Никифоров-Волгин видит двойственность человеческого характера, возникающую из-за «сдвинувшейся жизни», в которую он, писатель, бесстрашно и ответственно входит как христианин, не отмахиваясь от нового «звериного» лика России, но вглядываясь в него, пытаясь понять через молитву... и усмирить. Тема «зверя из бездны» – сквозная в творчестве Никифорова-Волгина, она проходит через описания жизни провинциальных городов, деревень, русских странников. «Большой крест греха лежит

на русском человеке», – говорит он, но, с другой стороны, показывает нам, как человек, дошедший до зверства, вдруг испытывает раскаяние. В рассказе «Вериги» монах Псково-Печерского монастыря «долго смотрел ему (бывшему хулителю монастыря, теперь пришедшему на покаяние – *Т. Р.*) вслед и думал о таинственных путях русской души, о величайших жутких падениях ее и восстании России грешной и веригоносной».

Пронзителен и исторически точен образ отца Афанасия из повести «Дорожный посох», обобщающий путь «русского богатыря»: «Да разве могу я ослабнуть духом, когда вижу я... сотни пастырей идут с котомками и посохами по звериным тропам обширного российского прихода».

«Звериные тропы обширного российского прихода» – это и образ зверя в человеческой душе, проснувшегося от проливаемой крови, и образ лесных троп, русских полей, дорог, по которым скитаются люди. «В странника превратился и вот уже второй год хожу по русским дорогам в чаянии Христова утешения», – говорит бывший убийца в рассказе «Земной поклон».

Творчество Никифорова-Волгина близко по духу к произведениям И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева. Однако чувствуется и отличие стилей этих авторов: воспоминания о церковной жизни, которыми пронизаны страницы «Лета Господня», черпаются Шмелевым из опыта прихожанина. У Никифорова-Волгина – из опыта псаломщика, знавшего церков-

ный уклад изнутри. Поэтому поэтика Никифорова-Волгина – это органичное единство Слова Божьего и слова художественного.

Никифоров-Волгин поднимает вечные для русского мира темы дороги и странничества. Его удивительные пейзажи передают читателю живую святость земли («Земля-именинница»), красоту ее соединения с дорогой, голубым небом и вечностью («Мати-пустыня»). Эту особую, святую силу русских дорог, граничащих с небом и Богом, отмечает отец Афанасий («Дорожный посох»): «Сильна власть русских дорог! Если долго смотреть на них, то словно от земли уходишь и ничто мирское тебя не радует, душа возношения какого-то ищет...»

По такой же жизненной дороге, не задержавшись долго на любимой земле-имениннице, и ушел в вечность Василий Акимович Никифоров-Волгин 14 декабря 1941 года.

*Татьяна Радомская*

# Рассказы

## Серебряная метель

До Рождества без малого месяц, но оно уже обдаёт тебя снежной пылью, приникает по утрам к морозным стеклам, звенит полозьями по голубым дорогам, поёт в церкви за все-нощной «Христос рождается, славите» и снится по ночам в виде веселой серебряной метели.

В эти дни ничего не хочется земного, а в особенности школы. Дома заметили мою предпраздничность и строго заявили:

– Если принесёшь из школы плохие отметки, то елки и новых сапог тебе не видать!

«Ничего, – подумал я, – посмотрим... Ежели поставят мне, как обещались, три за поведение, то я ее на пятерку исправлю... За арифметику, как пить дать, влепят мне два, но это тоже не беда. У Михал Васильича двойка всегда выходит на манер лебединой шейки, без кружочка, – ее тоже на пятерку исправлю...»

Когда все это я сообразил, то сказал родителям:

– Балы у меня будут как первый сорт!

С Гришкой возвращались из школы. Я спросил его:

– Ты слышишь, как пахнет Рождеством?



– Пока нет, но скоро услышу!

– Когда же?

– А вот тогда, когда мамка гуся купит и жарить начнет, тогда и услышу!

Гришкин ответ мне не понравился. Я надулся и стал молчаливым.

– Ты чего губы надул? – спросил Гришка.

Я скосил на него сердитые глаза и в сердцах ответил:

– Рази Рождество жареным гусем пахнет, обалдуй?

– А чем же?

На это я ничего не смог ответить, покраснел и еще пуще рассердился.

Рождество подходило все ближе да ближе. В лавках и булочных уже показались елочные игрушки, пряничные коньки, и рыбки с белыми каемками, золотые и серебряные конфеты, от которых зубы болят, но все же будешь их есть, потому что они рождественские.

За неделю до Рождества Христова нас отпустили на каникулы.

Перед самым отпуском из школы я молил Бога, чтобы Он не допустил двойки за арифметику и тройки за поведение, дабы не прогневать своих родителей и не лишиться праздника и обещанных новых сапог с красными ушками. Бог услышал мою молитву, и в свидетельстве «об успехах и поведении» за арифметику поставил тройку, а за поведение пять с минусом.

Рождество стояло у окна и рисовало на стеклах морозные цветы, ждало, когда в доме вымоют полы, расстелют половики, затеплят лампы перед иконами и впустят Его...

Наступил сочельник. Он был метельным и белым-белым, как ни в какой другой день. Наше крыльцо занесло снегом, и, разгребая его, я подумал: необыкновенный снег... как бы святой! Ветер, шумящий в березах, – тоже необыкновенный! Бубенцы извозчиков не те, и люди в снежных хлопьях не те... По сугробной дороге мальчишка в валенках вез на санках елку и как чудной чему-то улыбался.

Я долго стоял под метелью и прислушивался, как по душе ходило веселым ветром самое распрекрасное и душистое на свете слово – «Рождество». Оно пахло вьюгой и колючими хвойными лапками.

Не зная, куда девать себя от белизны и необычности сегодняшнего дня, я забежал в собор и послушал, как посредине церкви читали пророчества о рождении Христа в Вифлееме; прошелся по базару, где торговали елками, поставил ногу проходящему мальчишке, и оба упали в сугроб; ударил кулаком по залубеневшему тулупу мужика, за что тот обозвал меня «шулды-булды»; перебрался через забор в городской сад (хотя ворота и были открыты). В саду никого, – одна заметель да свист в деревьях. Неведомо отчего бросился с разлету в глубокий сугроб и губами прильнул к снегу. Умаявшись от беготни по метели, сизый и оледеневший, пришел домой и увидел под иконами маленькую елку... Сел с нею

рядом и стал петь сперва бормотой, а потом все громче да громче: «Дева днесь Пресущественного рождает», и вместо «волсви со звездою путешествуют» пропел: «волки со звездою путешествуют».

Отец, послушав мое пение, сказал:

– Но не дурак ли ты? Где это видано, чтобы волки со звездою путешествовали?

Мать палила для студня телячьи ноги. Мне очень хотелось есть, но до звезды нельзя. Отец, окончив работу, стал читать вслух Евангелие. Я прислушивался к его протяжному чтению и думал о Христе, лежащем в яслях:

– Наверное, шел тогда снег, и маленькому Иисусу было дюже холодно!

И мне до того стало жалко Его, что я заплакал.

– Ты что заканючил? – спросили меня с беспокойством.

– Ничего. Пальцы я отморозил.

– И поделом тебе, неслуху! Поменьше бы олетьявал в такую зябь!

И вот наступил, наконец, рождественский вечер. Перекрестясь на иконы, во всем новом, мы пошли ко всенощной в церковь Спаса-Преображения. Метель утихла, и много звезд выбежало на небо. Среди них я долго искал рождественскую звезду и, к великой своей обрадованности, нашел ее. Она сияла ярче всех и отливала голубыми огнями.

Вот мы и в церкви. Под ногами ельник, и кругом, куда ни взглянешь – отовсюду идет сияние. Даже толстопузый старо-

ста, которого все называют «жилой»<sup>1</sup>, и тот сияет, как святой угодник. На клиросе торговец Силантий читал «великое повечерие». Голос у Силантия сиплый и пришепетывающий, – в другое время все на него роптали за гугнивое чтение, но сегодня, по случаю великого праздника, слушали его со вниманием и даже крестились. В густой толпе я увидел Гришку. Протискался к нему и шепнул на ухо:

– Я видел на небе рождественскую звезду... Большая и голубая!

Гришка покосился на меня и пробурчал:

– Звезда эта обыкновенная! Вега называется. Ее всегда видать можно!

Я рассердился на Гришку и толкнул его в бок. Какой-то дяденька дал мне за озорство щелчка по затылку, а Гришка прошипел:

– После службы и от меня получишь!

Читал Силантий долго-долго... Вдруг он сделал маленькую передышку и строго оглянулся по сторонам. Все почувствовали, что сейчас произойдет нечто особенное и важное. Тишина в церкви стала еще тише. Силантий повысил голос и отдельно, громко, с неожиданной для него проясненностью, воскликнул:

*С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь,*

---

<sup>1</sup> Жила – здесь: человек, стремящийся к наживе.

*яко с нами Бог!*<sup>2</sup>

Рассыпанные слова его светло и громогласно подхватил хор:

*С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь,  
яко с нами Бог!*

Батюшка в белой ризе открыл Царские врата, и в алтаре было белым-бело от серебряной парчи на престоле и жертвеннике.

*Услышите до последних земли,  
яко с нами Бог, —*

гремел хор всеми лучшими в городе голосами.

*Могущи покоряйтесь, яко с нами Бог...  
Живущий во стране и сени смертней  
свет возсияет на Вы, яко с нами Бог.  
Яко отроча родися нам, Сын,  
и дадеся нам — яко с нами Бог...  
И мира Его нет предела, — яко с нами Бог!*<sup>3</sup>

Когда пропели эту высокую песню, то закрыли Царские врата, и Силантий опять стал читать. Читал он теперь бодро

---

<sup>2</sup> Ис. 8:8–9.

<sup>3</sup> Ис. 8:9–9:7.

и ясно, словно песня, только что отзвучавшая, посеребрила его тусклый голос.

После возгласа, сделанного священником, тонко-тонко зазвенел на клиросе камертон, и хор улыбающимися голосами запел «Рождество Твое, Христе Боже наш».

После рождественской службы дома зазорили (по выражению матери) елку от лампадного огня. Елка наша была украшена конфетами, яблоками и розовыми баранками. В гости ко мне пришел одноклассник мой, еврейчик Урка. Он вежливо позддравил нас с праздником, долго смотрел ветхозаветными глазами своими на загоренную елку и сказал слова, которые всем нам понравились:

– Христос был хороший человек!

Сели мы с Уркой под елку, на полосатый половик, и по молитвеннику, водя пальцем по строкам, стали с ним петь «Рождество Твое, Христе Боже наш».

В этот осветленный вечер мне опять снилась серебряная метель, и как будто бы сквозь вздымы ее шли волки на задних лапах и у каждого из них было по звезде, все они пели «Рождество Твое, Христе Боже наш».

# Крещение

В Крещенский сочельник я подрался с Гришкой. Со слов дедушки я стал рассказывать ему, что сегодня в полночь сойдет с неба ангел и освятит на реке воду, и она запоет: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи». Гришка не поверил и обозвал меня «баснописцем». Этого прозвища я не вытерпел и толкнул Гришку в сугроб, а он дал мне по затылку и обсыпал снегом. В слезах пришел домой. Меня спросили:

– О чем кувываешь?<sup>4</sup>

– Гри-и-шка не верит, что вода петъ бу-у-дет сегодня ночью!

Из моих слов ничего не поняли.

– Нагрешник ты, нагрешник, – сказали с упреком, – даже в Христов сочельник не обойтись тебе без драки!

– Да я же ведь за дело Божье вступился, – оправдывался я.

Сегодня великое освящение воды. Мы собирались в церковь. Мать сняла с божницы сосудец с остатками прошлогодней святой воды и вылила ее в печь, в пепел, ибо грех выливать ее на места попираемые. Отец спросил меня:

– Знаешь, как прозывается по-древнему богоявленская вода? Святая агиасма!

Я повторил это, как бы огнем вспыхнувшее слово, и мне почему-то представился недавний ночной пожар за рекой и

---

<sup>4</sup> *Кувывать* – хныкать, горевать.

зарезо над снежным городом. Почему слово «агиасма» слилось с этим пожаром, объяснить себе не мог. Не оттого ли, что страшное оно?

На голубую от крещенского мороза землю падал большими хлопьями снег. Мать сказала:

– Вот ежели и завтра Господь пошлет снег, то будет урожайный год.

В церковь пришли все заметеленными и румяными от мороза. От замороженных окон стоял особенный снежный свет – точно такой же, как между льдинами, которые недавно привезли с реки на наш двор.

Посредине церкви стоял большой ушат воды и рядом парчовый столик, на котором поставлена водосвятная серебряная чаша с тремя белыми свечами по краям. На клиросе читали «пророчества». Слова их журчали, как многоводные родники в лесу, а в тех местах, где пророки обращаются к людям, звучала набатная медь:

*Измойтесь и очиститесь,  
оставьте лукавство пред Господом:  
жаждущие, идите к воде живой...<sup>5</sup>*

Читали тринадцать паремий. И во всех их струилось и гремело слово «вода». Мне представлялись ветхозаветные пророки в широких одеждах, осененные молниями, одиноко

---

<sup>5</sup> Ис. 1:16, 55:1.



стоящие среди камней и высоких гор, а над ними янтарное библейское небо, и ветер, развевающий их седые волосы...

При пении «Глас Господень на водах»<sup>6</sup> вышли из алтаря к народу священник и диакон. На водосвятной чаше зажгли три свечи.

– Вот и в церкви поют, что на водах голос Божий раздаётся, а Гришка не верит... Плохо ему будет на том свете!

Я искал глазами Гришку, чтобы сказать ему про это, но его не было видно.

Священник читал молитву:

*Велий еси Господи, и чудна дела Твоя...*

*Тебе поет солнце. Тебе славит луна,*

*Тебе присутствуют звезды...*

*Тебе слушает свет...*

После молитвы священник трижды погрузил золотой крест в воду, и в это время запели снегом и ветром дышащий богоявленский тропарь «Во Иордани крещающуся Тебе Господи, тройческое явился поклонение», и всех окропляли освященной водою.

От ледяных капель, упавших на мое лицо, мне казалось, что теперь наступит большое ненадавленное счастье, и все будет по-хорошему, как в день Ангела, когда отец «осеребрит» тебя гривенником, а мать пяточком и пряником в при-

---

<sup>6</sup> Пс. 28:3.

дачу. Литургия закончилась посреди храма перед возженным светильником, и священник сказал народу:

– Свет этот знаменует Спасителя, явившегося в мир просветить всю поднебесную!

Подходили к ушату за святой водой. Вода звенела, и вспоминалась весна.

Так же как и на Рождество, в доме держали «дозвездный пост». Дождавшись наступления вечера, сели мы за трапезу – навечерницу. Печеную картошку ели с солью, кислую капусту, в которой попадались морозинки (стояла в холодном подполе), пахнущие укропом огурцы и сладкую, медом заправленную кашу. Во время ужина начался зазвон к Иорданскому всенощному бдению. Началось оно по рождественскому – великим повечерием. Пели песню: «Всяческая днесь да возрадуется Христу явльшуся во Иордан» и читали Евангелие о сошествии на землю Духа Божьего.

После всенощной делали углем начертание креста на дверях, притолоках, оконных рамах – в знак ограждения дома от козней дьявольских. Мать сказывала, что в этот вечер собирают в деревне снег с полей и бросают в колодец, чтобы сделать его сладким и многоводным, а девушки «величают звезды». Выходят они из избы на двор. Самая старшая из них несет пирог, якобы в дар звездам, и скороговоркой, нараспев выговаривают:

*Ай, звезды, звезды, звездочки!*

*Все вы звезды одной матушки,  
белорумяны и дородливы.  
Засылайте сватей по миру крещеному,  
сряжайте свадебку для мира крещеного,  
для пира гостиного,  
для красной девицы родимой.*

Слушал и думал: хорошо бы сейчас побежать по снегу к реке и послушать, как запоеет полнощная вода...

Мать «творит» тесто для пирога, влив в него ложечку святой воды, а отец читает Библию. За окном ветер гудит в березах и ходит крещенский мороз, похрустывая валенками. Завтра на отрывном численнике<sup>7</sup> покажется красная цифра шесть, и под ней будет написано звучащее крещенской морозной водою слово: «Богоявление»<sup>8</sup>. Завтра пойдем на Иордань!<sup>9</sup>

---

<sup>7</sup> Численник – календарь (разг.).

<sup>8</sup> Богоявление – один из двенадцати великих церковных праздников, в честь Крещения Господа Иисуса Христа в Иордане. См. Мф. 3:13–17; Ин. 1:29–34.

<sup>9</sup> Иордань – название проруби в водоеме, сделанной к празднику Крещения Господня для совершения водосвятного молебна.

# Кануны Великого поста

Вся в метели прошла преподобная Евфимия Великая – государыня масленица будет метельной!<sup>10</sup> Прошел апостол Тимофей полузимник; за ним три вселенских святителя; Св. Никита епископ новгородский – избавитель от пожара и всякого запаления; догорели восковые свечи Сретения Господня – были лютые сретенские морозы; прошли Симеон Богоприимец и Анна Пророчица.

Снег продолжает заметать окна до самого наворачия, морозы стоят словно медные, по ночам метель воет, но на душе любо – прошла половина зимы. Дни светлеют! Во сне уж видишь траву и березовые сережки. Сердце похоже на птицу, готовую к полету.

В лютый мороз я объявил Гришке:

– Весна наступает!

А он мне ответил:

– Дать бы тебе по затылку за такие слова! Кака тут весна, ежели птица на лету мерзнет!

– Это последние морозы, – уверял я, дуя на окоченевшие пальцы, – уже ветер веселее дует, да и лед на реке по ночам воет... Это к весне!

---

<sup>10</sup> День памяти преподобного Евфимия Великого – 2 февраля по новому стилю (20 февраля по старому стилю). По народной примете по этому дню определяют погоду на Масленицу.

Гришка не хочет верить, но по глазам вижу, что ему тоже любо от весенних слов.

Нищий Яков Гриб пил у нас чай. Подув на блюдечко, он сказал поникшим голосом:

– Бежит время... бежит... Завтра наступает Неделя о мытаре и фарисее<sup>11</sup>. Готовьтесь к Великому посту – редька и хрен, да книга Ефрем<sup>12</sup>.

Все вздохнули, а я обрадовался. Великий пост – это весна, ручьи, петушинные вскрики, желтое солнце на белых церквях и ледоход на реке. За всенощной, после выноса Евангелия на середину церкви, впервые запели покаянную молитву:

*Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче,  
утренюет бо дух мой ко храму Святому Твоему.*

С Мытаревой недели в доме начиналась подготовка к Великому посту. Перед иконами затопляли лампаду, и она уже становилась неугасимой. По средам и пятницам ничего не ели мясного. Перед обедом и ужином молились «в землю». Мать становилась строже и как бы уходящей от земли. До прихода Великого поста я спешил взять от зимы все ее благодатности, катался на санях, валялся в сугробах, сбивал палкой ледяные сосульки, становился на запятки извозчичьих

---

<sup>11</sup> Неделя о мытаре и фарисее – первое из четырех воскресений подготовки к Великому посту. В этот день на Литургии читается притча о мытаре и фарисее (Лк. 18:9-14).

<sup>12</sup> Книга Ефрем – сборник поучений святого Ефрема Сирина.

санок, сосал льдинки, спускался в овраги и слушал снег.

Наступила другая седмица. Она называлась по-церковному – Неделя о блудном сыне<sup>13</sup>.

За всюнощной пели еще более горькую песню, чем «Покаяние», – «На реках Вавилонских»<sup>14</sup>.

В воскресенье пришел к нам погреться Яков Гриб. Присев к печке, он запел старинный стих «Плач Адама»:

*Раю, мой раю,  
Пресветлый мой раю,  
Ради мене сотворенный,  
Ради Евы затворенный.*

Стих этот заставил отца разговориться. Он стал вспоминать большие русские дороги, по которым ходили старцы-слепцы с поводьями. Прозывались они Божьими певунами. На посохе у них изображались голубь, шестиконечный крест, а у иных змея. Остановятся, бывало, перед окнами избы и запоют о смертном часе, о последней трубе Архангела, об Иосафе-царевиче<sup>15</sup>, о вселении в пустыню. Мать свою бабушку вспомнила:

– Мастерница была петь духовные стихи! До того было усладно, что, слушая ее, душа лечилась от греха и помраче-

---

<sup>13</sup> Неделя о блудном сыне – второе из четырех воскресений подготовки к Великому посту. На Литургии читается притча о блудном сыне (Лк. 15:11–32).

<sup>14</sup> Пс. 136.

<sup>15</sup> Преподобный Иосаф (IV в.) – индийский царевич, принявший христианство.

ния!..

– Когда-то и я на ярмарках пел! – отозвался Яков, – пока голоса своего не пропил. Дело это выгодное и утешительное. Народ-то русский за благоглаголивость слов крестильный крест с себя сымет! Все дело забудет. Опустит, бывало, голову и слушает, а слезы-то по лицу так и катятся!.. Да, без Бога мы не можем, будь ты хоть самый что ни на есть чистокровный жулик и арестант!

– Теперь не те времена, – вздохнула мать, – старинный стих повыветрился! Все больше фабричное да граммофонное поют!

– Так-то оно так, – возразил Яков, – это верно, что старину редко поют, но попробуй запой вот теперь твоя бабушка про Алексия человека Божия или там про антихриста, так расплачутся разбойники и востоскуют! Потому что это... землю русскую в этом стихе услышат... Прадеды да деды перед глазами встанут... Вся история из гробов восстанет!.. Да... От крови да от земли своей не убежишь. Она свое возьмет... кровь-то!

Вечером увидел я нежный бирюзовый лоскуток неба, и он показался мне знамением весны – она всегда, ранняя весна-то, бирюзовой бывает! Я сказал про это Гришке, и он опять выругался.

– Дам я тебе по затылку, курносая пятница! Надоел ты мне со своей весной хуже горькой редьки!

Наступила Неделя о Страшном суде<sup>16</sup>. Накануне поминали в церкви усопших сродников. Дома готовили кутью из зерен – в знак веры в воскресение из мертвых. В этот день Церковь поминала всех «от Адама доднесь усопших в благочестии и вере» и особенное моление воссылала за тех, «коих вода покрыла, от брани, пожара и землетрясения погибших, убийцами убитых, молнией попаленных, зверьми и гадами умерщвленных, от мороза замерзших...» И за тех «яже уби меч, конь совосхити, яже удави камень, или перст посыпа; яже убиша чаровныя напоения, отравы, удавления...»

В воскресенье читали за Литургией Евангелие о Страшном суде. Дни были страшными, похожими на ночные молнии или отдаленные раскаты грома.

Во мне боролись два чувства: страх перед грозным судом Божиим и радость от близкого наступления масленицы. Последнее чувство было так сильно и буйно, что я перекрестился и сказал:

– Прости, Господи, великие мои согрешения!

Масленица пришла в легкой метелице. На телеграфных столбах висели длинные багровые афиши. Почти целый час мы читали с Гришкой мудреные, но завлекательные слова:

*Кинематограф «Люмьер».*

*Живые движущиеся фотографии и кроме*

---

<sup>16</sup> Неделя о Страшном суде – третье из четырех воскресений подготовки к Великому посту. На Литургии читается Евангелие о Страшном суде (Мф. 25:31–46).



того блистательное представление малобариста<sup>17</sup> геркулесного жонглера-эквилибриста «Бруно фон Солерно», престижизитатора Мюльберга и магико-спиритическ. вечер престижизитатора<sup>18</sup>, эффектиста, фантастического мастера эскамотаж<sup>19</sup>, прозванного королем ловкости Мартина Лемберга.

От людей пахло блинами. Богатые пекли блины с понедельника, а бедные с четверга. Мать пекла блины с молитвою. Первый испеченный блин она положила на слуховое окно в память умерших родителей. Мать много рассказывала о деревенской масленице, и я очень жалел, почему родителям вздумалось перебраться в город. Там все было по-другому. В деревне масленичный понедельник назывался – встреча; вторник – заигрыши; среда – лакомка; четверг – перелом; пятница – тещины вечерки; суббота – золовкины посиделки; воскресенье – проводы и прощенный день. Масленицу называли также Боярыней, Царицей, Осударыней, Матушкой, Гуленой, Красавой. Пели песни, вытканые из звезд, солнечных лучей, месяца – золотые рожки, из снега, из ржаных колосков.

В эти дни все веселились, и только одна Церковь скор-

---

<sup>17</sup> *Малоборист* – жонглер, номера которого строятся на балансировании предметов.

<sup>18</sup> *Престижизитатор* – фокусник с большой быстротой и ловкостью рук.

<sup>19</sup> *Эскамотаж* (устар.) – ловкое присвоение или подмена различных предметов.

бела в своих вечерних молитвах. Священник читал уже великопостную молитву Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего». Наступило Прощеное воскресенье. Днем ходили на кладбище прощаться с усопшими сродниками. В церкви, после вечерни, священник поклонился всему народу в ноги и попросил прощения. Перед отходом ко сну, земно кланялись друг другу, обнимались и говорили: «Простите, Христа ради», и на это отвечали: «Бог простит». В этот день в деревне зернили пряжу, то есть выставляли моток пряжи на утреннюю зарю, чтобы вся пряжа была чиста.

Снился мне грядущий Великий пост, почему-то в образе преподобного Сергия Радонежского, идущего по снегу и опирающегося на черный игуменский посох.

# Великий пост

Редкий великопостный звон разбивает скованное морозом солнечное утро, и оно будто бы рассыпается от колокольных ударов на мелкие снежные крупинки. Под ногами скрипит снег, как новые сапоги, которые я обуваю по праздникам.

Чистый понедельник. Мать послала меня в церковь «к часам» и сказала с тихой строгостью: «Пост да молитва небо отворяют!»

Иду через базар. Он пахнет Великим постом: редька, капуста, огурцы, сушеные грибы, баранки, снитки<sup>20</sup>, постный сахар... Из деревень привезли много веников (в Чистый понедельник была баня). Торговцы не ругаются, не зубоскалят, не бегают в казенку за сотками и говорят с покупателями тихо и деликатно:

- Грибки монастырские!
- Венечки для очищения!
- Огурчики печорские!
- Сниточки причудские!<sup>21</sup>

От мороза голубой дым стоит над базаром. Увидел в руке проходившего мальчишки прутик вербы, и сердце охватила знобкая радость: скоро весна, скоро Пасха и от мороза толь-

---

<sup>20</sup> *Сниток* – снеток, небольшая рыбка, озерная корюшка.

<sup>21</sup> *Причудье* – территории в Псковской области, прилегающие к Чудскому озеру.

ко ручейки останутся!

В церкви прохладно и голубовато, как в снежном утреннем лесу. Из алтаря вышел священник в черной епитрахили и произнес никогда не слыханные слова:

*Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа  
в третий час апостолом Твоим ниспославый,  
Того, Благий, не отыми от нас,  
но обнови нас, молящих Ти ся...*

Все опустились на колени, и лица молящихся, как у предстоящих перед Господом на картине «Страшный суд». И даже у купца Бабкина, который побоями вогнал жену в гроб и никому не отпускает товар в долг, губы дрожат от молитвы и на выпуклых глазах слезы. Около распятия стоит чиновник Остряков и тоже крестится, а на масленице похвалялся моему отцу, что он, как образованный, не имеет права верить в Бога. Все молятся, и только церковный староста звенит медяками у свечного ящика.

За окнами снежной пылью осыпались деревья, розовые от солнца.

После долгой службы идешь домой и слушаешь внутри себя шепот:

*Обнови нас, молящих Ти ся...  
даруй ми зрети моя прегрешения  
и не осуждати брата моего...*

А кругом солнце. Оно уже сожгло утренние морозы. Улица звенит от ледяных сосулек, падающих с крыш.

Обед в этот день был необычайный: редька, грибная похлебка, гречневая каша без масла и чай яблочный. Перед тем как сесть за стол, долго крестились перед иконами. Обедал у нас нищий старичок Яков, и он сказывал:

– В монастырях по правилам святых отцов на Великий пост положено сухоястие<sup>22</sup>, хлеб да вода... А святой Ерм<sup>23</sup> со своими учениками вкушали пищу единожды в день и только вечером...

Я задумался над словами Якова и перестал есть.

– Ты что не ешь? – спросила мать.

Я нахмурился и ответил басом, исподлобья:

– Хочу быть святым Ермом!

Все улыбнулись, а дедушка Яков погладил меня по голове и сказал:

– Ишь ты, какой восприемный!

Постная похлебка так хорошо пахла, что я не сдержался и стал есть; дохлебал ее до конца и попросил еще тарелку, да погуще.

Наступил вечер. Сумерки колыхнулись от звона к великому повечерию. Всей семьей мы пошли к чтению канона

---

<sup>22</sup> *Сухоястие* – сухоядение, строгий вид поста, при котором употребляют в пищу в основном сырые фрукты, овощи, орехи.

<sup>23</sup> Святой Ерм – римский христианин конца I в.

Андрея Критского<sup>24</sup>. В храме полумрак. На середине стоит аналой в черной ризе, и на нем большая старая книга. Много богомольцев, но их почти не слышно, и все похоже на тихие деревца в вечернем саду. От скудного освещения лики святых стали глубже и строже.

Полумрак вздрогнул от возгласа священника, тоже какого-то далекого, окутанного глубиной. На клиросе запели тихо-тихо и до того печально, что защемило в сердце:

*Помощник и Покровитель бысть мне во спасение;  
Сей мой Бог, и прослаблю Его, Бог отца моего,  
и вознесу Его, славно бо прославися...*<sup>25</sup>

К аналою подошел священник, зажег свечу и начал читать великий канон Андрея Критского:

*Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний?  
Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?  
Но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление.*

После каждого прочитанного стиха хор вторит батюшке:

*Помилуй мя, Боже, помилуй мя.*

---

<sup>24</sup> Канон Андрея Критского – Великий покаянный канон святого Андрея, архиепископа Критского (ум. 712), читается во время Великого поста.

<sup>25</sup> Исх. 15:1–2.

Долгая-долгая, монастырски строгая служба. За погасшими окнами ходит темный вечер, осыпанный звездами. Подошла ко мне мать и шепнула на ухо:

– Сядь на скамейку и отдохни малость...

Я сел, и охватила меня от усталости сладкая дрема, но на клиросе запели:

*Душе моя, душе моя, возстани, что спиши?*

Я смахнул дрему, встал со скамейки и стал креститься. Батюшка читает:

*Согреших, беззаконновах, и отвергох заповедь Твою...*

Эти слова заставляют меня задуматься. Я начинаю думать о своих грехах. На масленице стянул у отца из кармана гривенник и купил себе пряников; недавно запустил комом снега в спину извозчика; приятеля своего Гришку обозвал «рыжим бесом», хотя он совсем не рыжий; тетку Федосью прозвал «грызлой»; утаил от матери сдачу, когда покупал керосин в лавке, и при встрече с батюшкой не снял шапку.

Я становлюсь на колени и с сокрушением повторяю за хором:

*Помилуй мя, Боже, помилуй мя...*

Когда шли из церкви домой, дорогою я сказал отцу, пону-

рив голову:

– Папка! Прости меня, я у тебя стянул гривенник!

Отец ответил:

– Бог простит, сынок.

После некоторого молчания обратился я и к матери:

– Мама, и ты прости меня. Я сдачу за керосин на пряниках проел. И мать тоже ответила:

– Бог простит.

Засыпая в постели, я подумал:

– Как хорошо быть безгрешным!



# Преждеосвященная

После долгого чтения часов с коленопреклоненными молитвами на клиросе горько-горько запели:

*Во Царствии Твоем помяни нас, Господи,  
егда приидеши во Царствии Твоем...*<sup>26</sup>

Литургия с таким величавым и таинственным наименованием «преждеосвященная»<sup>27</sup> началась не так, как всегда...

Алтарь и амвон в ярком сиянии мартовского солнца. По календарю завтра наступает весна, и я, как молитву, тихо шепчу отдельно и радостно: ве-с-н-а! Подошел к амвону. Опустил руки в солнечные лучи и, склонив набок голову, смотрел, как по руке бегали «зайчики». Я старался покрыть их шапкой, чтобы поймать, а они не давались. Проходивший церковный сторож ударил меня по руке и сказал: «Не балуй». Я сконфузился и стал креститься.

После чтения первой паремии открылись Царские врата. Все встали на колени, и лица богомольцев наклонились к самому полу. В неслышную тишину вошел священник с зажженной свечой и кадилом. Он крестообразно осенил коле-

---

<sup>26</sup> Мф. 5:3-12

<sup>27</sup> *Преждеосвященная* – Литургия Преждеосвященных Даров, которая служит по средам и пятницам Великого поста. На ней причащают Дарами, освященными прежде, на Воскресной литургии.

нопреклоненных святым огнем и сказал:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.